РЕШАЮЩИЙ ЭТАП ЛИКВИДАЦИИ БЕЗРАБОТИЦЫ В СССР

Л. С. РОГАЧЕВСКАЯ

История ликвидации безработицы в СССР — большая, важная и сложная проблема. Однако до сих пор историография вопроса не богата. Во второй половине 20-х годов, когда Коммунистическая партия и Советское правительство решали проблему ликвидации безработицы, некоторые работники Наркомтруда, Госплана, ВЦСПС и других ведомств и учреждений рассматривали отдельные ее стороны в плане практического разрешения поставленных вопросов [1]. Эти работы насыщены фактическим материалом, но не являются профессионально-историческими исследованиями и не могут заменить их. В 30-е годы появилось несколько работ ученых-экономистов, в которых делались попытки в экономическом аспекте осветить вопросы ликвидации безработицы в СССР [2]. В дальнейшем, несмотря на большое научное и политическое значение этой проблемы, ни экономисты, ни историки не уделяли ей достаточного внимания.

Лишь с конца 50-х и начала 60-х годов история безработицы в СССР стала попутно освещаться в общих работах по истории советского рабочего класса [3]. В той или иной степени эта проблема исследовалась также и в региональном разрезе. Ученые национальных республик и крупных промышленных центров, освещая историю местных отрядов рабочего класса, касались и вопросов безработицы [4].

В последнее время впервые за многие годы на страницах журналов появились статьи, специально посвященные вопросам ликвидации безработицы в СССР [5]. Однако с рядом положений, высказанных в этих

[1] Л. Е. Минц. Как живет безработный, М., 1927; Я. И. Гиндин. Профессиональные союзы и безработица, М., 1927; его же. Борьба с безработицей и наем рабочей силы, М., 1928; А. Бахутов. Безработица и борьба с ней, М.—Л., 1928; В. В. Шмидт. Положение рабочего класса СССР, М., 1928; И. А. Толстопятов. Перспективы труда в свете развития народного хозяйства, М., 1929; М. М. Романов. О ликвидации безработицы в СССР, М., 1930 и др.

[2] С. Гиммельфарб. Ликвидация безработицы в СССР и проблема кадров. «Проблемы экономики», 1931, № 5; И. Заромский. Ликвидация безработицы и наши задачи в области труда. «Пути индустриализации», 1930, № 20; Б. Л. Маркус. Вопросы труда на новом этапе, М., 1931; его же. Труд в социалистическом обществе, М., 1932; его же. Труд в социалистическом обществе, М., 1939 и др.

[3] З. А. Астапович. Первые мероприятия Советской власти в области труда (1917—1918 гг.), М., 1958; Л. С. Рогачевская. Из истории рабочего класса СССР в первые годы индустриализации, М., 1959, В. З. Дробижев. Советский рабочий класс в период социалистической реконструкции народного хозяйства, М., 1961; А. А. Матюгин. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства, М., 1962; А. М. Панфилова. Формирование рабочего класса СССР в первые годы пятилетки. 1928—1932, М., 1964 и др.

[4] А. А. Байшин. Исторические этапы формирования рабочего класса в Советском Казахстане, Алма-Ата, 1958; Б. М. Митупов. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Бурятской АССР, Улан-Удэ, 1958; В. Г. Черемных. Рабочий класс Урала в годы первой пятилетки. Сб. «Из истории рабочего класса Урала», Пермь, 1961; А. Б. Слуцкий. Рабочий класс Украины в борьбе за создание фундамента социалистической экономики (1926—1932 гг.), Киев, 1963; «История рабочего класса Узбекистана», т. 1, Ташкент, 1964 и др.

[5] См. А. С. Сычева. Как была ликвидирована безработица в СССР. «Вопросы истории», 1967, № 1; К. И. Суворов. Ликвидация безработицы в СССР — великое завоевание партии и народа. «Вопросы истории КПСС», 1966, № 12.

статьях, трудно согласиться. Речь идет прежде всего о периодизации истории ликвидации безработицы. А. С. Сычева, например, в своей первой работе [6] относила 1929 год сразу к двум периодам — периоду борьбы за создание предпосылок искоренения безработицы (1926—1929 гг.) и непосредственной ликвидации безработицы (1929—1931 гг.) В дальнейшем А. С. Сычева пересмотрела эту периодизацию, включив 1929 год только во второй период. В своей статье мы попытаемся обосновать более раннюю дату начала решающего этапа ликвидации безработицы в СССР. Нуждается в уточнении и конечная дата завершения процесса исчезновения резервной армии труда. Трудно согласиться с А. С. Сычевой, что безработица в СССР была ликвидирована в 1931 г. Анализ конкретно-исторической обстановки 1930 г., изучение многочисленных материалов НКТ СССР и др. позволяют сделать вывод, что с безработицей было покончено уже на втором году первой пятилетки.

Вопрос о хронологических рамках решающего этапа ликвидации безработицы имеет важное, принципиальное значение, так как он помогает изучению основной проблемы — выявлению конкретно-исторических причин, приведших к уничтожению резервной армии труда. До сих пор еще нет достаточно полного и ясного представления о влиянии социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства на процесс ликвидации безработицы в СССР (хотя в общем плане решающая роль этих явлений отмечается во всех работах). Особенно слабо изучено влияние массовой коллективизации деревни на ликвидацию избыточной рабочей силы. В литературе существуют две полярные точки зрения. Если одни исследователи писали о свертывании отходничества в результате коллективизации [7], то другие утверждали, что коллективизация ускорила и расширила процесс вовлечения сельского населения в промышленность [8]. Обнаруженные нами в фондах Госплана СССР новые материалы позволяют пролить некоторый свет на этот сложный и дискуссионный вопрос.

Пока что исследователи не коснулись таких важных проблем, как влияние ликвидации безработицы на положение рабочего класса и развитие экономики Советской страны.

Разумеется, в одной статье невозможно сразу осветить все указанные вопросы. Опираясь на анализ первоисточников, извлеченных главным образом из фондов Наркомтруда и Госплана СССР, мы попытаемся определить хронологические рамки решающего этапа ликвидации безработицы в СССР, выявить характерные черты и специфические особенности безработицы на этом этапе, проследить ее динамику и показать влияние социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства на ликвидацию безработицы в СССР.

Впервые вопрос о резком сокращении безработицы был поставлен в первом пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР, который предусматривал мощное промышленное строительство и проведение коллективизации в основных сельскохозяйственных районах страны. Именно это и явилось реальной основой для ликвидации безработицы в нашей стране.

Что же представляла собою резервная армия труда к началу первой пятилетки? По данным Наркомтруда СССР на 1 октября 1928 г., составленным на основании сведений 281 биржи труда, в стране было 1364 тыс.

---

[6] А. С. Сычева. Из истории борьбы советского народа за ликвидацию безработицы в СССР (1926—1931 гг.). Автореф. канд. дисс., М., 1965, стр. 7.

[7] Б. Л. Маркус. Труд в социалистическом обществе, М., 1939, стр. 186; А. М. Панфилова. Указ. соч., стр. 17.

[8] Ю. В. Арутюнян. Коллективизация сельского хозяйства и высвобождение рабочей силы для промышленности. Сб. «Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)», М., 1964, стр. 116.

безработных [9]. Профсоюзы, которые вели учет своих членов-безработных, определяли их число в четвертом квартале 1927/28 г. в 1812,4 тыс. [10]. Такая существенная разница объяснялась тем, что профсоюзы считали безработными сезонных рабочих, уезжавших в деревню после окончания сезона и снявшихся с учета бирж труда. Поэтому профсоюзы строителей, сахарников и сельскохозяйственных рабочих, например, завышали число безработных в 1,5 раза.

Наиболее точные сведения представляли биржи труда. Но и они не всегда правильно отражали состояние безработицы, так как в их каталогах числилось много «мертвых душ», которые не нуждались в работе, но не снимались с учета по различным соображениям (возможность получения пособий по безработице, сохранение трудового стажа и т. д.). По подсчетам Б. Л. Маркуса, произведенным на основании анализа и сравнения материалов переписи 1926 г. и данных бирж труда о безработных, выходило, что цифры бирж труда были преувеличены не менее, чем на $^1/_3$ [11]. Тем не менее, даже если учесть поправку Б. Л. Маркуса, численность безработных к началу первой пятилетки была весьма значительной. Причем в первые годы индустриализации число людей, искавших работу, значительно возросло (см. табл. 1) [12].

ТАБЛИЦА 1

Динамика безработицы за 1926—1928 гг.
(по данным 281 биржи труда в СССР)

	1926 г.	1927 г.		1928 г.	
	1 октября	1 апреля	1 октября	1 апреля	1 октября
Число безработных (в тыс.)	1070,8	1477,9	1041,2	1576,4	1364

Данные таблицы показывают не только рост безработных в 1926—1928 гг., но и довольно регулярные и весьма резкие сезонные колебания: рост безработицы в первом полугодии хозяйственного года и его относительное падение во втором полугодии. На рост безработицы осенью и зимой влияло окончание ряда сезонных работ, а также прилив людей из сельских местностей в связи с завершением полевых работ.

Рост численности безработных в первые годы индустриализации можно объяснить рядом причин. К тому времени возможности восстановительного периода уже были исчерпаны, а новое промышленное строительство только разворачивалось. Кроме того, неурожайный 1928 год увеличил приток сельского населения в города. Следует также учесть, что в 1928 г. ВЦСПС принял постановление об обязательной регистрации членов профсоюзов на биржах труда, что резко увеличило численность зарегистрированных безработных — членов профсоюзов.

Прежде чем перейти к характеристике состава безработных следует остановиться на источниках их пополнения, которые проливают свет на сам характер безработицы в СССР.

Основным источником безработицы в СССР являлся приток избыточного крестьянского населения в города. В наследство от царской России Советская страна получила весьма существенное аграрное перенаселение. По данным С. Г. Струмилина, количество избыточного населения деревни в 1927/28 г. составляло 8 млн. человек [13]. Председатель Госплана

---

[9] «Труд в СССР». Справочник 1926—1930 гг., М., 1930, стр. 36.
[10] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 39, л. 67.
[11] Б. Л. Маркус. Труд в социалистическом обществе, М., 1939, стр. 151.
[12] «Труд в СССР». Справочник 1926—1930 гг., стр. 36.
[13] С. Г. Струмилин. На плановом фронте, М., 1958, стр. 449.

СССР Г. М. Кржижановский приводил еще большую цифру — 9 млн. человек [14].

Деревня была основным источником безработицы в городах. Сезонный отход крестьян на заработки, почти полностью прекратившийся в годы гражданской войны и военной интервенции, после введения нэпа возрастал из года в год. Если в 1923/24 г. отход на заработки из сельских местностей СССР без ЗСФСР, УзССР и ТурССР составлял 1 672 525 человек, то в 1926/27 г. он увеличился почти в два раза, достигнув огромной цифры — 3 145 137 человек [15].

Конечно, многие крестьяне возвращались в деревню, закончив сезонные работы, но значительная их часть навсегда оставалась в городах, оказывая серьезное влияние как на оборот рабочей силы в промышленности, так и на динамику безработицы. Несмотря на то, что биржи труда прямо не брали на учет прибывших из сельских местностей, последние любыми путями регистрировались в качестве безработных. В 1927/28 г. из 3 млн. безработных [16], зарегистрированных биржами труда, 630 тыс. человек прибыли из сельских местностей, т. е. примерно одна четверть [17]. Такая же картина наблюдалась и в предыдущие годы.

Ряды безработных пополнялись и за счет естественного прироста трудоспособного населения городов (подраставшее молодое поколение), женщин-домохозяек, демобилизованных военнослужащих и людей, ранее занятых в частном секторе (ввиду сужения частной торговли и промышленности во второй половине 20-х годов). Кроме того, на рост рядов безработных в первые годы индустриализации оказало некоторое влияние сокращение кустарной промышленности и рационализация производства. Тем не менее даже в те годы процессы индустриализации уже давали себя знать. В 1925/26 г. получили работу 1943,9 тыс. человек, в 1927/28 г. — 4841,2 тыс., т. е. за три года потребность в рабочей силе возросла почти в 2,5 раза [18]. Если бы не избыточное сельскохозяйственное население, которое постоянно увеличивало ряды безработных, процесс ликвидации безработицы в СССР проходил бы не столь длительно и болезненно.

Обратимся теперь к составу безработных. Из 1374,9 тыс. безработных на 1 октября 1928 г. [19] индустриальная группа составляла 209,2 тыс. человек (15,2%), строителей — 83,8 тыс. (6,1%), служащих — 228,6 тыс. (16,6%), неквалифицированных рабочих — 345,6 тыс. (21,5%) и впервые предлагавших труд — 341,3 тыс. (24,8%) [20]. Эти данные показывают, что безработица в СССР носила не индустриальный характер. Удельный вес квалифицированных рабочих, не имевших работу, составил около 15%, причем и этот сравнительно невысокий процент имел тенденцию к понижению: 17% в 1926 г., 15,8% в 1927 г. и 15,2% в 1928 г. [21] Более того, уже в первые годы индустриализации обнаружилась нехватка в квалифицированных рабочих кадрах.

По данным наркома труда СССР В. В. Шмидта, в 1926/27 г. среди индустриальных рабочих было немного более 7% безработных (на

---

[14] Г. М. Кржижановский. Избранное, М., 1957, стр. 295.

[15] «Отход сельского населения на заработки в СССР в 1926/27 г.», М., 1929, стр. 11.

[16] Данные за 9 месяцев 1927/28 г., а всего за год было зарегистрировано около 4 млн. предложений труда.

[17] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 39, л. 50.

[18] Там же, л. 51.

[19] Как видим, эти данные, почерпнутые из конъюнктурного обзора НКТ СССР за 1927/28 г., несколько разнятся от опубликованных цифр (примерно на 10 тыс.). Однако столь незначительное расхождение позволяет пользоваться этим источником без особых оговорок. Следует отметить, что наиболее ценный обобщающий материал сосредоточен в конъюнктурных обзорах НКТ СССР (годовых и квартальных).

[20] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 39, л. 58.

[21] Там же.

3534,3 тыс. рабочих, занятых в промышленности, было 251,8 тыс. безработных). А всего процент безработных к общему числу работавших составлял в 1926/27 г. 12,7 (на 10013,9 тыс. работавших приходилось 1273,1 тыс. безработных) [22].

Рост рядов безработных протекал главным образом за счет неквалифицированной рабочей силы, которая составляла половину всего состава безработных [23]. Сравнительно большой была также группа советских служащих или, как ее называли на биржах, группа интеллектуального труда. По данным замнаркома труда И. А. Толстопятова, приведенным на заседании президиума ВЦСПС 28 сентября 1928 г., наибольшая безработица наблюдалась среди работников просвещения и здравоохранения. Причем основная масса их была сосредоточена в Москве и Ленинграде, в то время как на периферии ощущался острый недостаток в этих кадрах [24].

Большой интерес представляют данные о половом и возрастном составе безработных. Примерно половину из них составляли женщины, около 15% — подростки [25]. Эти данные говорят о том, что основные кормильцы семьи — мужчины — были обеспечены работой.

Итак, к началу первой пятилетки общее количество безработных колебалось в пределах 1—1,5 млн. человек. Это была весьма внушительная цифра и, несмотря на то, что во всех отраслях производства шел оборот рабочей силы и состав безработных на биржах труда постоянно менялся, длительность безработицы, особенно среди женщин, нередко принимала затяжной характер. При средней длительности безработицы для обоих полов в 9,1 месяца среди женщин она достигала 12,4 месяца, а среди мужчин — 6,3 месяца. Если разбить всех безработных мужчин и женщин на группы по длительности безработицы, то получится следующая картина (см. табл. 2) [26]:

ТАБЛИЦА 2

Длительность безработицы	В % к числу безработных		
	Мужчин	Женщин	Обоего пола
От 1 до 6 месяцев	68,0	46,3	58,0
» 6 » 12 »	16,0	16,6	16,2
» 1 года до 2 лет	11,5	19,5	15,2
Свыше 2 лет	4,5	17,6	10,6

Данные таблицы показывают, что среди безработных мужчин группа не имевших работы 1—2 года и свыше 2-х лет составляла 16%, а среди женщин достигала 37%, т. е. более $^1/_3$ всего количества безработных женщин.

Советское правительство и Коммунистическая партия делали многое, чтобы облегчить участь безработных. Из года в год увеличивались ассигнования в фонд безработных. В 1927/28 г. на помощь безработным было отпущено по государственному и местному бюджетам 23 млн. руб. против 14 млн. в 1924/25 г. Еще бóльшие средства выдавались безработным по социальному страхованию. Они возросли за это же время с 30 млн. до 125 млн. руб. Кроме того, весьма значительную помощь безработные получали через профсоюзные каналы. С 1924/25 г. по 1927/28 г. сумма средств, выделяемых профсоюзами, увеличилась с 6 млн. до 20 млн. руб.

---

[22] В. В. Шмидт. Указ. соч., стр. 46—47.
[23] Там же, стр. 47.
[24] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 12, д. 109, л. 10.
[25] Там же, ф. 5515, оп. 15, д. 39, л. 56.
[26] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 26, д. 180, л. 41.

А всего в 1927/28 г. на оказание помощи безработным было отпущено 168 млн. руб. против 51 млн. в 1924/25 г.[27]

Эти средства расходовались на выплату пособий по безработице, организацию общественных работ и трудовых коллективов, а также на переобучение (переквалификацию) безработных. Последнее в условиях индустриализации имело особое значение. Наряду с безработицей, как уже отмечалось, даже в первые годы реконструкции промышленности ощущалась нехватка квалифицированных кадров, особенно строителей. В 1928 г. стране нужно было (по неполным подсчетам) 52 тыс. квалифицированных строителей, в том числе 23 тыс. каменщиков, 10 тыс. штукатуров, 5 тыс. бетонщиков и т. д.[28] Переквалификация безработных была самой действенной формой помощи им. Она оказывала прямое воздействие и на динамику безработицы, значительно сокращая ее масштабы.

Средства, отпускаемые Советским государством и профсоюзами в фонд помощи безработным, значительно облегчали их участь, в какой-то степени сокращали масштабы безработицы (особенно путем переквалификации), но уничтожить ее полностью не могли.

XV съезд партии отметил, что к числу важнейших трудностей нашего дальнейшего роста необходимо причислить проблему безработицы[29]. Для того, чтобы ликвидировать безработицу, надо было изжить причины, ее порождавшие. Еще на XV партийной конференции (октябрь — ноябрь 1926 г.) были указаны пути рассасывания безработицы. Это, во-первых, проведение мероприятий в самом сельском хозяйстве (коллективизация сельского хозяйства и его интенсификация, помощь деревенской бедноте, развитие трудоемких культур, миграция сельского населения и пр.) и, во-вторых, развитие индустрии, что поглотило бы избыточную рабочую силу в городах[30].

В оптимальном варианте первого пятилетнего плана намечалось сокращение безработицы на 55%, доведение ее в последнем году пятилетия, т. е. в 1932/33 г., до 511 тыс. человек[31]. В объяснительной записке к пятилетнему плану по труду Госплан, обосновывая возможность резкого сокращения безработицы, писал, что это произойдет в результате смягчения давления на городской рынок труда со стороны деревни, а также благодаря вовлечению в промышленность новых значительных кадров рабочего класса. «В предстоящем пятилетии,— отмечалось далее в записке,— мы разрешаем в первую очередь задачи: решительного поднятия технического уровня сельского хозяйства, максимального сокращения в связи с этим «избытков» рабочей силы в деревне, решающих качественных и количественных сдвигов в промышленности, максимального рассасывания уже скопившихся в городе масс безработных»[32].

Эти прогнозы Госплана оправдались. Более того, в результате ускоренных темпов развития промышленности и роста численности рабочего класса в первые годы пятилетки, а также проведения массовой коллективизации в 1929—1930 гг. проблема безработицы была решена в более короткие сроки.

Уже в августе 1930 г., обсуждая контрольные цифры по труду на 1930/31 г., Коллегия Наркомтруда СССР констатировала отсутствие

---

[27] «Снабжение народного хозяйства рабочей силой и помощь безработным», М., 1929, стр. 27.

[28] Там же, стр. 31.

[29] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, изд. 7-е, стр. 456.

[30] См. там же, стр. 311.

[31] «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. II, ч. 2, изд. 3-е, М., 1930, стр. 179. В отправном варианте пятилетки планировалось снижение безработицы на 26%, т. е. доведение ее до 800 тыс. человек. Удельный вес безработных среди работоспособного населения понижался с 6,4% в 1927/28 г. до 3,9% в 1932/33 г. по отправному варианту и 2,4% — по оптимальному.

[32] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 26, д. 182, л. 1, 3—4.

безработицы в СССР, несмотря на то, что на биржах труда еще числилось некоторое количество людей [33].

20 октября 1930 г. ЦК партии в постановлении «О мероприятиях по плановому обеспечению народного хозяйства рабочей силой и борьбе с текучестью» отмечал: «Огромный успех социалистической индустриализации страны и быстрый темп колхозного и совхозного строительства привели к полной ликвидации безработицы в Советском Союзе и потребовали дополнительных сотен тысяч рабочих» [34].

Решающее влияние на уничтожение безработицы в СССР оказало интенсивное развитие индустрии в 1928/29—1929/30 гг. Первые два года пятилетки характеризовались крупными для того времени достижениями в области индустриализации Советского Союза. Годовые темпы прироста промышленной продукции в 1928/29 г. превышали наметки пятилетнего плана. По данным Госплана СССР, годовой рост по промышленности в целом превысил расширенный план на 1,4%, составив 23,4% [35]. В следующем году промышленность выросла еще больше — на 25% [36].

Растущий размах строительных и реконструктивных работ потребовал значительного увеличения кадров рабочего класса. Уже в первом году пятилетки спрос на строительных рабочих удовлетворялся с большими затруднениями (см. табл. 3) [37].

ТАБЛИЦА 3

Удовлетворение спроса на рабочую силу в сезон 1929 г. по крупным центрам строительства
(в тыс. человек)

	Май		Июнь		Июль		Август		Сентябрь	
	Спрос	Предлож.	Спрос	Предлож.	Спрос	Предлож.	Спрос	Предлож.	Спрос	Предлож.
Москва	29,7	22,3	28,5	11,1	47,3	6,0	35,3	7,7	30,4	5.9
Ив.-Вознесенск	2,3	0,7	1,8	0,5	1,9	0,3	1,9	0,1	1,0	—
Н. Новгород	4,9	4,3	3,9	3,0	7,0	2,2	7,8	2,6	Нет св.	
Свердловск	7,3	2,3	4,1	2,4	4,4	1,7	Нет св.		2,2	0,6
Сталинград	3,4	1,7	3,0	0,9	5,5	1,2	5,4	2,0	4,9	1,9
Харьков	8,1	2,7	7,7	1,9	10,7	2,5	9,9	1,2	7,6	0,4

Приведенные данные показывают, что в самый разгар строительных работ 1929 г. (май — сентябрь) Советская страна испытывала острую нужду в рабочей силе. В Москве спрос превышал предложения почти в 5 раз. Аналогичная картина наблюдалась во многих других городах страны (см. табл. 4) [38].

В первом году пятилетки обострилось положение с рабочей силой на лесозаготовках. По данным НКТ СССР, в 1928/29 г. дефицит в рабочей силе на лесозаготовках составил на Урале 41 тыс. человек, а по Карело-Мурманскому району — 72 тыс. человек. В связи с этим Наркомтруд обратился 10 октября 1929 г. в СНК СССР с просьбой увеличить объемы миграции населения, в частности, пересмотреть численность переселенцев на Урал (по пятилетнему плану намечалось к переселению 68,8 тыс.) и Северный край (по плану 25 тыс.) [39].

[33] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 211, л. 66.
[34] «Правда», 22 октября 1930 г.
[35] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 г.», М., 1930, стр. 26.
[36] Имеется в виду промышленность, планируемая ВСНХ (см. ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 216, л. 1).
[37] Таблица составлена на основании отчетных данных НКТ СССР о рабочих кадрах в строительстве (см. ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 17, д. 78, л. 113).
[38] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 17, д. 78, л. 114.
[39] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 140, л. 40.

ТАБЛИЦА 4

Число городов, испытывавших недостаток в рабочих

Рабочие профессии	В августе 1929 г.			В сентябре 1929 г.		
	по РСФСР	по УССР	по остальным республикам	по РСФСР	по УССР	по остальным республикам
Каменщики	17	6	1	13	4	1
Плотники	20	7	1	13	3	1
Штукатуры	8	6	—	11	5	—
Столяры	5	—	—	5	4	—
Арматурщики	2	—	—	4	3	—
Бетонщики	3	—	—	4	1	—
Печники	1	1	—	2	2	—
Кровельщики	2	2	—	4	2	—

Такая конъюнктура труда определила характер численных изменений в составе рабочего класса СССР в 1928/29 г. В первом году пятилетки число лиц наемного труда по несельскохозяйственному сектору достигло 9533,9 тыс. человек против 8948,5 тыс. в 1927/28 г., т. е. выросло на 6,7% (по плану намечался рост в 4,8%) [40]. Превышение плановых заданий произошло в основном за счет интенсивного роста кадров строительных рабочих. В первом году пятилетки по данным НКТ СССР численность этой группы возросла на 19,6% — с 683,8 тыс. до 821,8 тыс. человек, на 7,2% увеличилось и число промышленных рабочих — с 3441,5 тыс. до 3677,7 тыс. [41].

Эти результаты позволили НКТ СССР в конъюнктурном обзоре по труду за 1928/29 г. сделать следующий вывод: «Истекший хозяйственный год характеризуется дальнейшим интенсивным ростом численности лиц наемного труда, в целом превысившим плановые лимиты, он происходил на фоне стремительного развертывания народного хозяйства, роста его количественных и качественных показателей. Высокий рост численности наемного труда происходил в ведущих отраслях народного хозяйства — обобществленной промышленности и строительстве, причем темпы роста последнего превысили рост численности всего наемного труда» [42].

Анализ изменений в численности рабочих тяжелой и легкой промышленности обнаруживает следующую закономерность социалистической индустриализации: темпы роста рабочих тяжелой промышленности значительно превышали эти темпы в легкой индустрии. В течение 1928/29 г. прирост по группе «А» составил 10,2% против плана в 6,4, а по группе «Б» — 3,8% против плана в 1,5%. В результате произошло дальнейшее увеличение удельного веса рабочих тяжелой промышленности — с 53,5% в 1927/28 г. до 55% в 1928/29 г. [43]

В первом году пятилетки проявилась еще одна характерная особенность социалистической индустриализации. Рост численности рабочего класса происходил за счет государственного и кооперативного сектора. Число рабочих в частном секторе за этот период сократилось с 692,5 тыс. до 589,3 тыс. [44]

Подводя общие итоги развития рабочего класса в первом году пятилетки, можно сделать вывод, что мощное развитие индустрии вызвало интенсивный рост наемного труда, особенно в строительстве и промышленности. Бурный рост численности рабочего класса оказал существенное влияние на динамику безработицы. Новые условия производства

[40] «Труд в СССР». Справочник 1926—1930 гг., стр. 1.
[41] Там же. По плану намечался рост в 3,8% (см. ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 169, л. 110).
[42] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 169, л. 110.
[43] Там же.
[44] «Труд в СССР». Справочник 1926—1930 гг., стр. 1.

предъявили спрос на рабочую силу таких профессий и квалификаций, который не удовлетворялся рынком труда безработных. Проблема квалифицированных рабочих кадров, особенно инженерно-технического персонала, а также строительных рабочих, стояла весьма остро.

Во втором году пятилетки в связи с увеличившимся размахом строительных и реконструктивных работ потребность в рабочей силе еще более возросла. По данным Наркомтруда СССР и РСФСР за 1930 г.[45] на Урале для Магнитостроя, Березникихимстроя, тракторостроя, Уралмашстроя, Уралугля, Уралжелдорстроя и других менее крупных строительств требовалось 153 433 человека, фактически же было занято 95 206; в Сибири для Кузнецкстроя, Сибжелдорстроя и других строек недоставало 16 779 человек; в Ленинграде — 4898; в Москве — 833, а всего по РСФСР — 74 964 человека. На Украине для Днепростроя и Харьковского тракторного завода не хватало 7241 человека. Всего по 44 крупным стройкам СССР недоставало 82 205 человек. Кроме нехватки в строительных рабочих, народное хозяйство испытывало острую нужду в кадрах для каменноугольной промышленности, погрузочно-разгрузочных работ на водном и железнодорожном транспорте, лесозаготовительных работ и др. В 1930 г. потребность в рабочей силе для каменноугольной промышленности была удовлетворена только на 89,3%. Особенно тяжелое положение сложилось в Донбассе, где в результате недостатка забойщиков был сорван план добычи угля[46].

Из-за недостатка грузчиков в ожидании погрузки и разгрузки суда и баржи простаивали неделями, несмотря на то, что многие из них везли строительные материалы (кирпич, цемент), в которых так остро нуждались новостройки. По данным на середину августа 1930 г. по речным бассейнам РСФСР не хватало 15 тыс. грузчиков. По Морфлоту (данные на 1 октября 1930 г.) в портах Ленинграда, Архангельска и Черного моря недоставало 27 тыс. грузчиков, в том числе свыше 7 тыс. для выполнения плана по экспорту хлеба. Аналогичная картина наблюдалась на железнодорожном транспорте. По данным на 1 сентября 1930 г. здесь требовалось 153 028 грузчиков, а имелось всего 68 265 человек[47].

Такое же положение было на лесозаготовительных работах. В 1930 г. для этих работ требовалось 964 тыс. пеших и 1109 тыс. конных рабочих, т. е. более 2 млн. человек. Эти потребности не обеспечивались. Для лесосплава, например, удалось удовлетворить заявки лишь на 43—46%[48].

Госплан СССР, анализируя причины недостаточного снабжения рабочей силой промышленности и сезонных отраслей народного хозяйства в 1930 г., пришел к выводу, «что одной из главных причин затруднений с рабочей силой в 1930 г. было резкое увеличение спроса на рабсилу по сравнению с прошлым годом»[49].

Посмотрим, как росло количество рабочих во втором году пятилетки. В 1929/30 г. число лиц наемного труда по несельскохозяйственному сектору достигло 12,1 млн. человек, превысив уровень 1928/29 г. на 16,4%[50]. Таким образом, темп роста второго года пятилетки почти в 2,5 раза превысил сами по себе высокие темпы предшествовавшего года. Он намного обогнал плановые наметки года и пятилетки (в пятилетке предполагался рост в 7,8%).

Увеличение численности рабочего класса произошло главным образом за счет роста кадров строительных рабочих. Благодаря стремитель-

[45] Эти данные взяты из материалов Госплана СССР, составившего справку о причинах недостаточного снабжения рабочей силой промышленности и сезонных отраслей народного хозяйства в 1930 г. (см. ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 28, д. 86, л. 37—39).

[46] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 28, д. 86, л. 38.

[47] Там же.

[48] Там же.

[49] Там же.

[50] «Народнохозяйственный план СССР на 1931 год (контрольные цифры). Доклад Госплана СССР Совету Народных Комиссаров СССР», М.— Л., 1931, стр. 36.

ному развертыванию капитального строительства рост рабочей силы, занятой в строительной индустрии, оставил далеко позади темпы роста рабочих в этой отрасли в предшествующие годы. По данным Госплана СССР, число строителей увеличилось на 74%, значительно превысив первоначальные наметки плана в этой области [51]. К июлю 1930 г. численность строительных рабочих достигла колоссальной для тех лет цифры — около 2 млн. человек [52]. И все-таки, как мы видели, даже крупные стройки испытывали острый недостаток в рабочей силе. По данным НКТ СССР, потребность в строителях покрывалась в мае на 63,2%, в июне — на 69,4%, июле — на 69,8%, августе — на 59,2%, сентябре — на 54,8% [53]. Строительная индустрия, вследствие низкой производительности труда в те годы, задыхалась от нехватки кадров.

Во втором году пятилетки произошли существенные сдвиги в численности промышленных рабочих. Только число занятых в крупной промышленности, планируемой ВСНХ, возросло за 1929/30 г. на 13% против 4,7% по плану. Особенно быстро росли кадры в металлической промышленности, где в среднем за год прирост по отношению к 1928/29 г. составил 25,4% против 8,8%, намеченных планом [54].

Несмотря на быстрый рост рядов промышленных рабочих, в индустрии все сильнее чувствовалась нехватка рабочей силы. Как уже отмечалось, особенно напряженное положение сложилось в каменноугольной и отчасти рудной промышленности. В целях ликвидации прорыва с рабочей силой для объединения «Уголь» Советское правительство приняло особые меры, наметив к вербовке 78 тыс. новых рабочих. Однако этот план был выполнен неполностью (недобрали 6,2 тыс. человек) [55].

Таким образом, во втором году пятилетки, несмотря на бурные темпы роста рабочей силы, в важнейших отраслях народного хозяйства — строительстве и промышленности — обнаружился дефицит в кадрах рабочего класса. В других отраслях народного хозяйства — на транспорте, в торговле, в учреждениях (научных, народного просвещения, здравоохранения и др.) — также начинала чувствоваться нехватка в рабочей силе. Это особенно относилось к периферии. Подводя итоги 1929/30 г., Наркомтруд СССР писал, что имеющиеся данные, «характеризующие динамику наемного труда в целом, позволяют оценивать истекший год, как год совершенно исключительного роста численности пролетариата по сравнению с предшествующими годами» [56].

За два первых года пятилетки численность лиц наемного труда увеличилась на 3 млн. человек, в том числе по несельскохозяйственному сектору на 2,8 млн. человек [57]. Общий прирост рабочей силы за два года достиг огромных размеров — около 30%.

Пятилетка по росту численности людей, занятых в народном хозяйстве, была выполнена в основном за два года, что создало реальную основу для ликвидации безработицы в СССР. Кроме того, в ходе социалистической индустриализации Советское правительство и Коммунистическая партия провели ряд мероприятий, которые оказали существенное влияние на этот процесс.

В октябре 1927 г. сессия ЦИК СССР, посвященная десятилетию Советской власти, приняла решение о переводе рабочих и служащих на 7-часовой рабочий день [58]. Этот факт — сам по себе исключительный для

---

[51] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 28, д. 86, л. 123.
[52] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 246, л. 104.
[53] Там же, л. 105.
[54] Там же, лл. 93, 95.
[55] Там же, л. 95.
[56] Там же, л. 93.
[57] «Народное хозяйство СССР. Стат. справочник 1932 г.», М., 1932, стр. XXII—XXIII.
[58] «Правда», 16 октября 1927 г.

рабочих — способствовал в то же время рассасыванию безработицы. Г. М. Кржижановский на V съезде Советов говорил, что это мероприятие позволит втянуть в производство 300 тыс. новых рабочих [59]. Еще раньше Ф. Э. Дзержинский отмечал, что полезно «было бы сократить рабочий день для того, чтобы привлечь большее количество работающих» [60].

Введение 7-часового рабочего дня началось с декабря 1927 г. К октябрю 1928 г. на 7-часовой рабочий день перешло уже 132 тыс. чел. [61] А. П. Финаров, специально исследовавший этот вопрос, писал, что в результате сокращения рабочего дня и введения третьей смены в текстильное производство было вовлечено 20 тыс. новых рабочих [62].

Пятилетний план предусматривал дальнейший перевод промышленных предприятий на 7-часовой рабочий день. Этот процесс, завершение которого планировалось в последнем году пятилетия, по подсчетам ВСНХ, должен был увеличить численность занятой рабочей силы на 13,5% [63].

В 1928/29 г. план перевода промышленных предприятий на 7-часовой рабочий день был выполнен с некоторым превышением. На новый график работы перешли 156,5 тыс. рабочих тяжелой индустрии и 263,4 тыс. человек, занятых в легкой промышленности, примерно 20% к общему числу рабочих [64]. В докладе Наркомтруда СССР в СНК отмечалось, что переход на укороченный рабочий день привел к увеличению численности рабочих на предприятиях от 5,7 до 26% [65]. Новые рабочие поступали на производство с бирж труда и это, конечно, также рассасывало безработицу. Вместе с тем НКТ СССР констатировал, что на предприятиях, переведенных на 7—6-часовой рабочий день, увеличилась почасовая выработка рабочего.

В связи с благоприятными результатами новой системы работы, СНК СССР дал задание Правительственной комиссии по 7-часовому рабочему дню ускорить темпы перевода рабочих на укороченный рабочий день. 29 сентября 1929 г. комиссия, рассмотрев итоги и перспективы перехода на 7-часовой рабочий день, пришла к выводу, что это мероприятие может быть завершено к октябрю 1932 г., т. е. на год раньше установленного срока. В связи с этим в 1929/30 г. намечалось перевести на укороченный рабочий день 43% всех рабочих [66]. Этот план был перевыполнен (43,5%). Кроме того, на 7-часовой рабочий день было переведено 34,3% рабочих железнодорожного транспорта. Всего по данным НКТ СССР в конце 1930 г. укороченный рабочий день имело 1,5 млн. рабочих против 800 тыс. в апреле 1930 г. Контрольные цифры на 1931 г. предусматривали охватить 7-часовым рабочим днем 92% всех рабочих и полное завершение этого процесса на железнодорожном транспорте [67].

Переход на 7-часовой рабочий день и введение на некоторых предприятиях трехсменной работы увеличили численность рабочих по отдельным производствам от 2,5 до 50%. Бесспорно, что это сыграло определенную роль в ликвидации безработицы.

На уничтожение безработицы повлиял также перевод промышленности на непрерывную производственную неделю, который осуществлял-

---

[59] Г. И. Кржижановский. Указ. соч., стр. 296.
[60] Ф. Э. Дзержинский. Избр. произв., т. II, М., 1957, стр. 322.
[61] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928/29 гг.», М., 1929, стр. 488.
[62] «История СССР», 1959, № 6, стр. 107—114.
[63] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 170, л. 14.
[64] «Контрольные цифры народного хозяйства на 1929/30 г.», М., 1930, стр. 488.
[65] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 146, л. 112.
[66] Там же, оп. 1, д. 29, л. 6.
[67] Там же, д. 216, л. 6; «Труд в СССР», Справочник 1926—1930 гг., стр. 23.

ся по постановлению СНК СССР от 26 августа 1929 г. [68] Уже к декабрю 1929 г. на «непрерывку» перешло 45,9% рабочих крупной промышленности [69].

К апрелю 1930 г. на «непрерывку» перешли (по всей промышленности ВСНХ) 59,9% (1,5 млн.) рабочих против 48,8%, намечавшихся по плану, в том числе по группе «А» — 70,9% против 64,6% и по группе «Б» — 44,6% против 29% [70]. К концу второго полугодия 1929/30 г. на непрерывное производство было переведено $^3/_4$ рабочих тяжелой промышленности и более половины лиц, занятых в легкой индустрии (см. табл. 5) [71].

ТАБЛИЦА 5

Переведено на непрерывную рабочую неделю по отраслям промышленности на 1 октября 1930 г.
(в % к общему числу рабочих)

Группа «А»—73,9		Группа «Б»—53,9	
В том числе:		В том числе:	
Каменноугольная	—96,0	Текстильная	—47,8
Нефтяная	—100,0	Одежда, туалет	—55,4
Рудная	—85,6	Кожевенная	—63,7
Силикатная	—99,7	Резиновая	—23,0
Металлическая	—60,8	Спичечная	—44,3
Электротехническая	—79,2	Жировая	—80,0
Химическая	—90,9	Пищевая	—45,0
Деревообделочная	—53,9	Полиграфическая	—71,7
		Бумажная	—100,0

Переход на «непрерывку», произведенный в основном в 1929—1930 гг., дал возможность лучше использовать оборудование, увеличить число занятых рабочих и поднять выпуск продукции.

Конечно, введение 7-часового рабочего дня и непрерывной производственной недели не являлось главным фактором в решении проблемы безработицы. Но то, что он содействовал ее быстрому изживанию в первые годы пятилетки, не подлежит никакому сомнению.

Итак, в первые годы пятилетки в промышленности протекали процессы, ведшие к свертыванию безработицы. А как обстояло дело в сельском хозяйстве? Какую роль сыграла массовая коллективизация в деревне в решении такой сложной проблемы, как ликвидация безработицы в СССР, какое влияние она оказала на аграрное перенаселение и отходничество?

В конъюнктурных обзорах по труду за 1928/29 и 1929/30 гг. НКТ СССР констатировал, что в течение этих лет планы по отходничеству крестьян из деревни не выполнялись. «Имеющиеся данные говорят,— отмечалось в обзоре за 1929/30 г.,— что запроектированное количество строителей-отходников не было достигнуто; деревня не дала того количества рабочих, на которое строительство рассчитывало. Вербовка, предпринятая органами труда и хозорганами еще до начала полевых работ, не покрывала всей потребности в рабочей силе; в период уборочной кампании она повсеместно дала очень незначительные результаты» [72]. В итоге биржи труда не сумели удовлетворить спрос на строительных рабочих (см. табл. 6) [73].

Тяжелое положение сложилось и в других отраслях сезонного труда. На лесосплаве потребности в рабочей силе удовлетворялись в мае 1930 г. на 70,5%, в июне — на 58%, в июле — на 55%, в августе — на 46,2%, в сентябре — на 42,9% [74].

[68] «Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР», 1929 г., отдел первый, ст. 502.
[69] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 246, л. 130.
[70] Там же, оп. 15, д. 295, л. 7; «Труд в СССР». Справочник 1926—1930 гг., стр. 23.
[71] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 246, л. 130.
[72] Там же, л. 105.
[73] Там же.
[74] Там же, л. 110.

В торфяной промышленности из-за недостатка сезонников пришлось привлечь к работе кадровых рабочих [75].

Итак, в первые годы пятилетки отходничество не смогло удовлетворить сезонные отрасли труда. Встает вопрос: почему это произошло? Имела ли коллективизация сельского хозяйства к этому отношение? Наркомтруд СССР считал, что форсированное строительство колхозов и

ТАБЛИЦА 6

Спрос и посылка на работу строителей в 1930 г.

Месяцы	Спрос на строителей	Посылка на работу	% удовлетворения спроса
Май	282 990	224 478	79,4
Июнь	318 772	181 622	56,6
Июль	349 900	121 200	34,6
Август	313 500	92 700	29,5

совхозов в 1930 г. являлось основным фактором недостаточного отхода крестьянства из деревни [76]. К таким же выводам пришел и Госплан СССР. Ввиду важности этого вопроса приведем выдержку из доклада сектора труда и быта Госплана, посвященного анализу причин недостаточного снабжения рабочей силой промышленности и сезонных отраслей народного хозяйства в 1930 г.: «Для крестьянина, вступающего в колхоз,— говорилось в нем,— самый факт вступления — дело большой важности. Нужно личное участие в решении этого вопроса, вот почему прошлой весной (1930 г.— *Л. Р.*) были случаи возврата отходников домой для вступления в колхоз, и по этой же причине колхозники воздерживались от отхода. Основная причина, которая гнала отходников на заработки в прошлом, была материальная необеспеченность, нужда, иногда угроза голода. До революции к этому прибавлялись налоги, которые душили бедняцкую часть деревни.

Вполне естественно поэтому, что колхозник, почувствовав некоторое улучшение условий своего существования, предпочитает оставаться дома, нежели идти в отход, условия которого не кажутся ему столь заманчивыми.

Таковы субъективные причины психологического порядка, которые нельзя не принимать во внимание, анализируя весь комплекс факторов, влияющих на отход из колхозов» [77].

Другой, не менее важной причиной, повлиявшей на уменьшение тяги сельского населения в город, явилась дополнительная возможность применения труда в сельскохозяйственном производстве. Уже в первые годы коллективизации за счет освоения колхозами новых земель значительно расширились посевные площади, что, естественно, увеличило потребность в рабочей силе. В то же время колхозы приступили к строительству животноводческих ферм, клубов, больниц, организации небольших производственных предприятий и пр. В результате многие правления колхозов опасались, что отход крестьян на заработки помешает колхозному строительству и любыми мерами сдерживали отходничество. В газетах и журналах за 1929—1930 гг. можно встретить немало сведений о массовой задержке отходников из колхозов и совхозов, об административных наказаниях, применявшихся к колхозникам-отходникам. Так, в крымском колхозе «Червонное казачество» исключили из сельскохозяйственной артели всю семью колхозника за то, что один из ее членов ушел в отход. В другом колхозе, тоже в Крыму, колхозника-отходника объ-

[75] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 246, л. 110.
[76] Там же, л. 106.
[77] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 28, д. 86, л. 45.

явили дезертиром [78]. В некоторых деревнях и селах отходников отзывали домой в связи с проведением коллективизации. На Урале дело дошло до того, что Уралпрофсовет, Уралколхозсоюз и облсовнархоз опубликовали 21 февраля 1930 г. в «Уральском рабочем» обращение к правлениям колхозов, в котором предлагалось «прекратить отзыв рабочих с предприятий по вопросам коллективизации их хозяйств в деревне».

Советское правительство с самого начала коллективизации выступило против тенденции колхозов к сокращению отходничества. 16 марта 1930 г. СНК СССР принял постановление «Об устранении препятствий к свободному отходу крестьян на отхожие промысла и сезонную работу» [79]. При этом правительство исходило из того, что деревня без ущерба для сельского хозяйства могла выделить значительные трудовые резервы городу. По подсчетам специалистов того времени, в колхозах использовалась примерно половина трудовых ресурсов. Данные, полученные в результате экспедиции Аграрного института Комакадемии и Научно-исследовательского колхозного института по обследованию баланса труда в колхозах в начале 1931 г., показали, что среднее количество рабочих дней на одного работника за год составляло: на Северном Кавказе — 128, на Нижней Волге — 95, на Урале — 160, в УССР — 92, в БССР — 146, в Московской области — 154, т. е. колхозник в среднем за год работал 6—8 месяцев [80].

Деревне еще долгое время предстояло быть основным источником комплектования рабочего класса. В связи с этим можно согласиться с выводами Ю. В. Арутюняна о влиянии обобществления сельскохозяйственного производства на процесс миграции крестьянского населения и комплектование промышленных кадров за счет деревни [81]. Однако, принимая в целом концепцию автора, утверждающего, что коллективизация, открывшая возможность широкой механизации сельского хозяйства и позволившая в связи с этим высвободить для других отраслей народного хозяйства часть рабочей силы, ускорила и расширила процесс миграции сельского населения, следует сделать оговорку. В первые годы массовой коллективизации отход крестьян из деревни, в силу указанных выше причин, существенно сдерживался.

В 1929 г. размеры отходничества относительно даже сократились. Если в 1927/28 хозяйственном году оно увеличилось по сравнению с предшествующим годом на 26%, то в 1928/29 г. оно выросло только на 9,6%, достигнув 4,3 млн. человек [82]. К сожалению, точные данные об отходничестве в 1930 г. отсутствуют. НКТ СССР в силу целого ряда причин не мог получить сведения на этот счет. Однако выборочные обследования, проведенные Колхозным институтом и другими учреждениями, позволяют судить о миграционных процессах в деревне во втором году пятилетки. По данным Госплана СССР, весной 1930 г. отход из колхозов составлял в среднем 7,24% трудоспособных, только на 0,04% больше сельского отхода 1928/29 г. [83]

Данные массового обследования колхозных и единоличных хозяйств, проведенного в 1930 г., сведены в табл. 7 [84].

Таблица настолько выразительна, что не нуждается в особом комментировании.

---

[78] «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1931, № 8, стр. 139—140.

[79] «Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР», 1939, отдел первый, № 18, ст. 206.

[80] А. Либкинд. Баланс труда в колхозах. «Вопросы труда», 1932, № 3, стр. 35.

[81] См. «Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)», сб. статей, М., 1964, стр. 100—116.

[82] «На аграрном фронте», 1931, № 6, стр. 46.

[83] Там же.

[84] А. Либкинд. Аграрное перенаселение и коллективизация деревни. М., 1931. стр. 184.

НКТ СССР, стремясь выяснить причины относительного сокращения отходничества и влияния на него коллективизации, запросил по этому вопросу наркоматы тех республик, в которых было наибольшее число отходников. НКТ РСФСР, где отход в 1928/29 г. составлял 87,6% к общему итогу по СССР, сообщил, что во многих областях вербовка тормозилась из-за задержки людей в колхозах. Произведенное Наркоматом выборочное обследование показало, что примерно в 40% колхозов от-

ТАБЛИЦА 7

Районы	% трудоспособных колхозников на отхожих заработках	% хозяйств с отпуском рабочих вообще
Средняя Азия	5,0	31,9
Нижняя Волга	9,5	32,9
ЦЧО	2,6	24,9
Северный Кавказ	2,9	28,8
УССР	9,5	43,1

ходничество было затруднено по разным причинам. В одних случаях колхозники сами отказывались от вербовки как по психологическим мотивам, так и по причине высоких отчислений в колхозы (иногда размер отчислений устанавливался до 50% заработка). Иногда же правления колхозов ссылались на недостаток рабочей силы и отказывали колхознику в праве на отход, устанавливая правило: «кто уходит на заработки, тот исключается из колхоза» [85].

НКТ Белоруссии, сообщив в своем ответе, что коллективизация не влияла отрицательно на отходничество, в то же время писал: «из-за слабой организованности запроектированная совместным соглашением рабочая сила не только не получена от колхозов, а наоборот, значительное количество колхозов требовало в момент уборочной и посевной кампаний предоставления рабочей силы» [86].

Приведенные факты и статистические материалы позволяют сделать вывод, что в первые годы пятилетки деревня, несмотря на весьма значительные размеры отходничества, все же не смогла удовлетворить потребности города в рабочей силе. С одной стороны, это было вызвано огромным спросом на рабочую силу в связи с размахом реконструктивных и строительных работ, а с другой — начальным процессом коллективизации, проведение которой также требовало дополнительных трудовых резервов. Безусловно, эти явления сыграли важную роль в ликвидации безработицы в СССР в конце 1930 г.

В 1930 г. проблема безработицы начала перерастать в проблему нехватки кадров. Еще в начале 1930 г. коллегия НКТ СССР, оценивая конъюнктуру труда за первые 4 месяца 1929/30 г., констатировала большую напряженность в снабжении народного хозяйства рабочей силой. В качестве одной из мер, способной урегулировать эту проблему, НКТ СССР предложил перейти к организованному набору рабочей силы из колхозов [87]. Предложение Наркомтруда было принято Советским правительством. VI съезд Советов СССР, проходивший в марте 1931 г., обязал «все колхозы не только не препятствовать отходничеству рабочих в промышленность, но и содействовать отходничеству» [88]. 30 июня 1931 г. СНК СССР принял специальный декрет об отходничестве [89], который сыграл существенную роль в увеличении его размеров.

---

[85] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 28, д. 86, л. 47.
[86] Там же, л. 46.
[87] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 188, л. 2.
[88] «Съезды Советов Союза Советских Социалистических Республик», сб. док. 1922—1932 гг., т. III, М., 1960, стр. 191.
[89] «Собрание законов СССР», отдел первый, 1931 г., № 42, ст. 517.

Проведение социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства резко поставило вопрос о специалистах высшей и средней квалификации. Страна испытывала острый недостаток в инженерно-технических кадрах. По подсчетам Госплана, недобор в инженерных кадрах в течение пятилетия определялся в 15 тыс. человек, кроме того, ощущалась острая нехватка в техниках (в 1928/29 г. было 20 тыс. техников, а к концу пятилетки их нужно было иметь 60 тыс., в то время, как существующая учебная сеть могла подготовить лишь 6 тыс. техников) [90].

Партия и правительство приняли меры к ликвидации тяжелого положения с инженерно-техническими кадрами. Уже в первые годы пятилетки значительно возросло число высших и специальных средних учебных заведений, существенно увеличилось и количество студентов. Это, конечно, оказало влияние на рассасывание безработицы, особенно среди молодежи. Юноши и девушки, в основном рабочая молодежь, по призыву партии пошли учиться, а на их место к станкам становились те, кто нуждался в работе. Существенную роль в ликвидации безработицы среди молодежи сыграли расширенные наборы в школы ФЗУ в 1929 г. и особенно в 1930 г. Осенью 1930 г. в школы ФЗУ было принято 300 тыс. подростков, что окончательно ликвидировало безработицу среди молодежи [91].

Коллективизация сельского хозяйства предъявила спрос, с одной стороны, на руководящие кадры (директоров совхозов и МТС, председателей колхозов), а с другой,— на квалифицированных рабочих и служащих. Были разработаны меры, предусматривавшие подготовку к весне 1930 г. для РСФСР и УССР руководителей совхозов — 150, руководителей МТС — 125, агрономов — 300, среднего агроперсонала — 2 тыс., инженеров-механиков — 400, техников-механиков — 2 тыс., руководителей колхозов — 25 тыс., трактористов и рулевых — 50 тыс., квалифицированных рабочих — 100 тыс. Из этого числа 10 тыс. руководителей колхозов, 25 тыс. трактористов и рулевых и 50 тыс. квалифицированных рабочих предоставляла Красная Армия (демобилизованные красноармейцы и некоторая часть политсостава) [92]. Это, бесспорно, отразилось на состоянии безработицы (значительно сократилось число демобилизованных, регистрировавшихся на биржах труда). Кроме того, потребность в кадрах для проведения коллективизации сыграла прямую роль в рассасывании безработицы в 1930 г. Как и требовали принятые меры, остальные кадры для сельского хозяйства непосредственно черпались с бирж труда, а также за счет сокращения работников управленческого аппарата, которые бы в другой ситуации пополняли ряды безработных.

Коллективизация деревни оказала влияние и на ликвидацию безработицы среди работников здравоохранения. Многие врачи и медицинские сестры выехали в колхозы и совхозы. В циркуляре Наркомздрава и Наркомтруда РСФСР от 9 марта 1930 г. по этому поводу говорилось: «С целью внести организованность в это движение и лучше использовать безработных врачей, находящихся на учете на биржах труда, НКТруд и НКЗдрав РСФСР предлагают всю организацию этой переброски медработников возложить на областные и краевые биржи труда совместно с органами здравоохранения» [93].

Наконец, нужно указать еще на один фактор, сыгравший существенную роль в ликвидации безработицы среди учителей. В 1930 г. в Советской стране было введено всеобщее начальное образование, что предъявило небывалый ранее спрос на учителей, особенно для начальной шко-

---

[90] «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. 1, стр. 77.
[91] «Народное хозяйство на пороге третьего года пятилетки и контрольные цифры на 1931 год», М.— Л., 1931, стр. 133.
[92] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 121, л. 25.
[93] «Известия Народного комиссариата труда СССР», 1930, № 11, стр. 268.

лы [94]. Решением НКТ РСФСР от 7 июня 1930 г. при биржах труда были созданы отборочные комиссии, которые, привлекая к своей работе партийных работников, представителей народного образования, а также безработных, проводили плановую работу по ликвидации безработицы среди учителей: направляли их на работу или на курсы повышения квалификации [95]. В результате безработица среди учителей резко пошла на убыль и была полностью ликвидирована в конце 1930 г.

Рассмотрев причины, приведшие к ликвидации безработицы в СССР, а также выявив факторы, способствовавшие ее изживанию, обратимся к динамике безработицы в первые два года пятилетки (см. табл. 8) [96].

ТАБЛИЦА 8

Динамика безработицы по данным НКТ СССР
(в тыс.)

Категории безработных	1926 г.	1927 г.			1928 г.			1929 г.		
	1 октября	1 января	1 апреля	1 октября	1 января	1 апреля	1 октября	1 января	1 апреля	1 октября
Всего безработных	1070,8	1310,0	1477,9	1041,2	1352,0	1576,4	1364,6	1616,0	1741,1	1241,6
Из них:										
работавших ранее по найму	706,6		1055,8	811,4		1274,4	1015,3		1335,3	825,2
не работавших ранее по найму	364,2		422,1	229,8		302,0	349,3		405,8	416,4
Из общего количества:										
индустриальных (без некв.)	182,3		239,0	164,5		226,2	206,5		264,1	205,6
строителей (с некв.)	41,3		125,8	62,5		208,0	89,3		208,1	46,8
интеллектуал. труд	210,5		283,8	261,7		352,1	317,8		317,3	212,0
неквалиф. труд	586,1		758,1	508,4		742,6	696,1		894,0	831,2

Первый важный вывод, который следует сделать из приведенной таблицы, заключается в том, что в течение 1928/29 г. произошло сокращение безработицы. Если на 1 октября 1928 г. на биржах труда числилось 1364,6 тыс. безработных, то через год их было 1241,6 тыс. Причем до апреля 1929 г. число лиц, стоявших на учете бирж труда, нарастало, достигнув своей кульминационной точки (1741 тыс.). Этот рост был вызван, как и в предшествовавшие годы, конъюнктурными условиями сезонного характера. Однако уже в тот период происходит относительное снижение темпа нарастания безработицы. С октября 1928 г. по апрель 1929 г. количество безработных увеличилось на 27%, в то время как в 1927/28 г. рост безработицы проходил значительно интенсивнее и составил 51% к предшествовавшему году. Таким образом, второй вывод, который можно сделать, состоит в том, что относительное снижение темпа роста безработицы наблюдалось еще в первом полугодии 1928/29 г., т. е. даже тогда, когда абсолютные размеры безработицы возрастали.

Наконец, хотелось бы обратить внимание на следующее. Приведенные данные позволяют утверждать, что сокращение абсолютных размеров безработицы происходит во втором полугодии 1928/29 г., примерно с апреля 1929 г. Относительная же тенденция к свертыванию безработицы обнаруживалась еще в первом квартале 1928/29 г. В течение октября — декабря 1928 г. численность безработных хотя и увеличилась в

---

[94] В пятилетнем плане намечалось довести армию учителей до 400 тыс., т. е. удвоить ее (см. Г. М. Кржижановский. Указ. соч., стр. 299).

[95] «Известия Народного комиссариата труда СССР», 1930, № 20, стр. 462—463.

[96] См. «Труд в СССР». Справочник 1926—1930 гг., стр. 36; «Народное хозяйство СССР», стат. справочник 1932 г., стр. XXII—XXIII, ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 169, л. 113—114.

значительных размерах, но в несколько меньших по сравнению с предшествовавшим годом. Снижение темпа роста безработицы в самом начале пятилетки позволило составителям конъюнктурного обзора за первый квартал 1928/29 г. прийти к следующему заключению: «В общем надо сказать, что в отношении безработицы мы имеем сезонный рост, но меньше обычного, что дает основание думать, что мы превзойдем намеченный темп роста, т. е. в результате года будем иметь пониженный темп, чем в прошлом году» [97]. Этот прогноз, как показывают данные приведенной таблицы, оправдался. Первый год пятилетки был переломным годом в истории безработицы — впервые он дал абсолютное и относительное сокращение безработицы. Таким образом, начальной датой решающего этапа ликвидации безработицы в СССР, на наш взгляд, следует считать октябрь — декабрь 1928 г., когда ясно проявилась тенденция к относительному сокращению безработицы.

Какова же конечная дата завершения процесса ликвидации безработицы? На этот вопрос можно получить ответ, проанализировав динамику безработицы во втором году пятилетки.

В 1929/30 г. тенденция к сокращению безработицы значительно усилилась. Даже в первой половине года, когда, как правило, происходил наиболее интенсивный рост безработицы, абсолютная численность безработных сократилась до 1080,9 тыс. человек. За год, с 1 апреля 1929 г. по 1 апреля 1930 г., безработица сократилась на 38%. Начиная с апреля 1930 г., кривая безработицы резко пошла вниз. За три месяца, с апреля по июль 1930 г., число безработных уменьшилось до 725 тыс. [98]. На 1 августа 1930 г. на учете бирж труда состояло 633 тыс. человек [99]. Анализируя эти данные, НКТ СССР в докладе о снабжении социалистического строительства кадрами писал: «Но и этой цифрой нельзя характеризовать нашу безработицу. Из этого числа около 140 тыс. находятся на обучении и переобучении, 180 тыс. подростков подлежат осенью текущего года размещению в ФЗУ и школы массовых профессий и примерно 15% всего числа безработных т. н. «мертвые души», что составляет около 50 тыс. человек.

Таким образом, число безработных составляет, примерно, 260 тыс. человек. Если же учесть, что у нас работающих по найму имеется около 14 млн. человек и среди них большая текучесть, то будет ясно, что подавляющее большинство т. н. безработных представляет собой переходящие кадры» [100]. На основании этого Наркомтруд СССР еще в августе 1930 г. заключил, что «безработицы, как таковой, у нас уже нет». В подтверждение этого он привел и следующие данные. Если в 1927/28 г. на 100 безработных приходилось 94 заявки с предложением работы, то в 1928/29 г.— 128, а в 1929/30 г.— 160 [101]. По данным наркома труда СССР А. М. Цихона, биржи труда не смогли удовлетворить заявки по промышленности на 500 тыс. мест на 1 августа 1930 г. и на 1 млн. 67 тыс. — на 1 сентября 1930 г. [102].

Нехватка рабочей силы в промышленности, достигшая огромных размеров — свыше 1 млн. человек,— создала реальную угрозу для социалистического строительства. Необходимо было срочно мобилизовать трудовые резервы и направить их туда, где не хватало кадров. 9 октября 1930 г. НКТ СССР принял решение о немедленной посылке на работу всех безработных и о прекращении выплаты пособий [103]. Эта мера в то время

[97] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 146, л. 25.

[98] М. Романов. О ликвидации безработицы в СССР, М., 1930, стр. 5. На 1 января 1930 г. число безработных составляло 1316 тыс. человек. «Народное хозяйство СССР», стат. справочник 1932 г., стр. XXIII.

[99] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 279, л. 152.

[100] Там же.

[101] Там же, л. 153.

[102] Там же, оп. 1, д. 165, л. 1.

[103] «Правда», 11 октября 1930 г.

было единственно правильной. Выплачивать пособия по безработице, когда во всех отраслях народного хозяйства не хватало людей, было бессмысленно. К тому же на 1 октября 1930 г., по данным бирж труда, на учете оставалось всего 140 тыс. человек взрослых, нуждавшихся в работе. Из них женщины, главным образом не имевшие специальности, составляли 60%. Таким образом, мужчин, нуждавшихся в работе, было всего 60 тыс. человек [104].

Приведем еще некоторые данные НКТ СССР, свидетельствующие о резком падении безработицы в 1930 г. (см. табл. 9) [105]:

ТАБЛИЦА 9

Динамика безработных среди взрослого населения СССР
(в тыс., без молодежи до 18 лет)

На 1 октября 1929 г.	На 1 января 1930 г.	На 1 апреля 1930 г.	На 1 июля 1930 г.	На 1 октября 1930 г.	В % к предыдущему периоду			
					1 января 1930 г. к 1 октября 1929 г.	1 апреля к 1 января 1930 г.	1 июля к 1 апреля 1930 г.	1 октября к 1 июля 1930 г.
932,0	952,6	765,0	494,0	140,0	103,2	80,3	64,6	28,3

Данные таблицы показывают, что в течение второго года пятилетки размеры безработицы сократились в 7 раз. «Второй год пятилетки,— говорилось в конъюнктурном обзоре по труду за 1929/30 г.,— в связи с бурным развитием промышленности и быстрым ростом коллективизации исчерпал безработицу» [106]. В этом обзоре НКТ СССР — самый компетентный в то время орган по вопросам труда — т р и ж д ы отмечал факт ликвидации безработицы в 1930 г.

Все приведенные выше данные позволяют утверждать, что несмотря на некоторое количество людей, еще числившихся на биржах труда, безработица в СССР была ликвидирована в конце 1930 г.

Факт ликвидации безработицы в СССР в 1930 г. был зафиксирован партийными и государственными документами. В юбилейном номере «Правды» от 7 ноября 1930 г. большими буквами было набрано: «Пролетарии СССР в союзе с трудящимся крестьянством под руководством ВКП(б) добились полной ликвидации безработицы». В декабре 1930 г. объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) еще раз подчеркнул факт уничтожения безработицы в стране [107]. По данным ЦУНХУ СССР, на 1 января 1931 г. безработных у нас не было [108].

Проблема безработицы была решена в нашей стране в результате социалистического преобразования народного хозяйства. Проведение индустриализации и массовой коллективизации деревни не только резко сократило численность безработных и в корне изменило характер безработицы в СССР, но и привело к ее полному уничтожению в конце 1930 г.

На рубеже 20-х и 30-х годов Советскому правительству, партии и народу удалось решить величайшую проблему времени. Ликвидация безработицы в стране строившегося социализма показала пути решения этой важной задачи. Уничтожение безработицы в СССР, это огромное достижение победившего пролетариата, имело всемирно-историческое значение.

---

[104] Кроме того, на учете бирж труда числилось 108 тыс. молодых людей до 18-летнего возраста, которые подлежали осеннему набору в школы ФЗУ, а также около 100 тыс. человек, находившихся на обучении и переобучении (ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 246, л. 102, 137).

[105] Там же, л. 103.

[106] Там же, л. 102.

[107] «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 76.

[108] «Народное хозяйство СССР». Стат. справочник 1932 г., стр. XXII—XXIII.